

A
3-382.

На правах рукописи

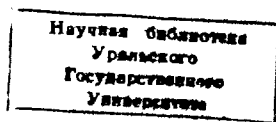
ЗАХАРОВСКИЙ Леонид Владимирович

**ПОЛИТИКА “ЛИКВИДАЦИИ
КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА” И ЕЁ ПРОВЕДЕНИЕ
В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ. 1929-1933 г.г.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Л.Захар

Екатеринбург 2000

Работа выполнена на кафедре архивоведения
Уральского государственного университета им. А.М. Горького
Научный руководитель – доктор исторических наук,
профессор М. Е. Главацкий.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор М. Н. Денисевич,

доктор исторических наук,
профессор М. В. Попов

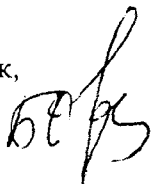
Ведущая организация: Челябинский государственный
агроинженерный университет

Защита состоится "17" ноября 2000г. в 14.00 часов
на заседании диссертационного совета Д.063.78.02 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических
наук в Уральском государственном университете им.
А.М.Горького (620083, г.Екатеринбург, пр.Ленина,51,
комн.248.)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Уральского государственного университета

Автореферат разослан "17" октября 2000г.

Учёный секретарь
диссертационного совета –
кандидат исторических наук,
профессор

Овчинникова Б.Б.

Актуальность темы исследования. Проведённая в СССР в начале 30-х гг. “революция сверху” оказала мощное влияние на все сферы жизни советского общества. Самые радикальные изменения произошли в деревне, разрушив сложившийся уклад её жизни. Государственная политика, направленная на преобразование сельского хозяйства, имела два основных компонента: коллективизацию крестьянских хозяйств и ликвидацию “последнего эксплуататорского класса – кулачества”.

Политика “ликвидации кулачества как класса” трактовалась и как решительное преодоление кулацкого засилья в деревне и, одновременно, как последний этап в построении классовой основы социалистического общества. Значение “кулацкого вопроса” в 20-е гг. было огромным. Он рассматривался как главный вопрос оставшийся неразрешённым в ходе Октябрьской социалистической революции. Существование “кулачества” делало вполне реальной угрозу реставрации капитализма. Поэтому именно “кулацкий вопрос” сыграл ключевую роль во внутрипартийной борьбе. Её результаты определили стратегию развития советского общества. Одним из ключевых элементов этой стратегии стала политика “ликвидации кулачества как класса”.

В ходе подготовки и проведения “раскулачивания”, массовых выселений и “трудового перевоспитания” бывших кулаков сложились основы ряда государственных институтов и социальной структуры, экономики и культуры, общественного сознания, которые, в сущности, мало изменились до второй половины 80-х годов. Иначе говоря, современные проблемы реформирования российского государства и общества имеют тесную взаимосвязь с “революцией” начала 30-х годов.

Особенно актуально изучение и осмысление сущности и результатов “раскулачивания” в свете современного состояния российской деревни. Кризис в ней глубже, а реформы идут тяжелее, чем в обществе в целом. Связано это с тем, что крестьянство, прежде всего в результате политики “раскулачивания”, во многом утратило свои традиционные черты. Главная беда современной деревни – бесхозяйственность – возникла сразу же после ликвидации “кулака” (“хозяичика”). Страх перед “раскулачиванием” до сих пор во многом определяет сознание российского крестьянина. По-

этому в отличие от периода НЭПа предоставление современному крестьянину экономической свободы не принесло серьёзного положительного эффекта.

Значение “ликвидации кулачества как класса” для истории 30-х гг. и осознание того, что последствия этой политики во многом определяют современное состояние деревни, требуют от историков наращивания усилий по всестороннему изучению этой темы.

Историография проблемы. За 70-летнюю историю развития историографии по различным аспектам политики “ликвидации кулачества как класса”, сложилась обширная и разнообразная литература, написаны сотни исследований. Ввиду невозможности подробного рассмотрения всех научных работ по данной теме, ограничимся изложением своего видения и оценок основных историографических этапов её разработки.

Работы конца 20-х – середины 30-х годов, как правило, представляли собой либо статьи партийных деятелей, организаторов и руководителей проведения “раскулачивания”, либо публицистов, журналистов и пропагандистов, пытавшихся подробнее рассказать о новой политике партии, объяснить её доступным языком, обосновать её необходимость. Среди произведений партийных руководителей¹ наиболее интересными являются работы В.М. Молотова, возглавлявшего комиссию по подготовке “ликвидации кулачества как класса” и А.А. Андреева, руководившего работой комиссии по проведению “раскулачивания” в 1931-32 гг. Значительный интерес для выявления региональных особенностей процессов и специфики восприятия политической линии на местах, представляют работы секретарей областных (краевых) комитетов ВКП(б).

Сильной стороной этих публикаций является также отражение позиций и умонастроений партийных руководителей областного уровня. Большинство работ этого периода написали публицисты, экономисты, журналисты и хозяйственные работники. Они публиковали небольшие по объёму статьи и брошюры, отличавшиеся

---

1. Андреев А.А. На путях подъёма и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Статьи и речи. 1928-1930. – Ростов-на-Дону, 1930; Варейкис И.М. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. – Воронеж, 1930; Хатаевич М.М. О ликвидации кулачества как класса. – Самара, 1930; Эйхе Р.И. Ликвидация кулачества как класса. – Новосибирск, 1930; Молотов В.М. В борьбе за социализм. – М., 1934.

узостью источниковой базы, описательностью, отсутствием исторического анализа и агитационно-пропагандистской направленностью.

Наиболее фактически насыщенными из них были брошюры и книги А. Ангарова¹, С. Силаева², М. Корнеева³.

Вопросы классовых противоречий в деревне, ход “ликвидации кулачества как класса”, тактика “кулачества” в условиях сплошной коллективизации и другие – получили в начале 30-х годов освещение и на Урале. Интерес для исследователей представляют статьи, публиковавшиеся на страницах журналов “Уральский коммунист” и “Уральская новая деревня”, в том числе, статьи А. Караваева⁴ и М. Зыкова⁵.

В целом можно отметить, что в конце 20-х – середине 30-х годов работы по теме “раскулачивания” ещё не приобрели характера исторического исследования. Научная проблематика и методология изучения происходивших в деревне процессов ещё только начинали формироваться. В то же время агитационно-пропагандистский характер многих работ не лишает их научного значения. Их ценность состоит в фиксации фактических данных, а также в отражении духа той эпохи, её идейного содержания, настроений и ожиданий.

В середине 30-х – середине 50-х годов отечественная историческая литература находилась в ещё более жёстких идеологических рамках, чем в предыдущие годы. После выхода “Краткого курса истории ВКП(б)” тема “ликвидации кулачества как класса” стала считаться исчерпывающе изученной и, соответственно, дальнейший научный поиск уже не приветствовался. Поэтому в последующие полтора десятилетия специальные исследования по данной теме практически не публиковались. На Урале этот процесс затянулся до второй половины 50-х годов.

Правда, продолжались исследования смежных тем, имевших большое значение и для изучения политики “раскулачивания”. При-

---

1. Ангаров А. Классовая борьба в советской деревне. – М., 1929.

2. Силаев С. Классовая борьба в деревне и хлебозаготовки. – М., 1930.

3. Корнеев М. Вторая пятилетка и уничтожение классов. – М., 1932

4. Караваев А. Ликвидация кулачества как класса. // Уральский коммунист. – 1930. – № 2.

5. Зыков М. Перед новым колхозным подъёмом. // Уральская новая деревня. – 1930. – № 19,20.

мером может служить книга М. Я. Залесского¹, на основе анализа законодательных и директивных актов, статистических материалов показавшего приоритеты (классовые) налоговой политики в 20-е – сер. 30-х г.г. С конца 40-х годов интерес к теме “раскулачивания” начинает возрождаться. Появляется ряд кандидатских диссертаций, исследовавших проведение “ликвидации кулачества как класса” в рамках отдельных регионов². В это же время появляются работы, имеющие обобщающий характер³.

Г. Е. Глазерман рассматривал “раскулачивание” как часть большого процесса ликвидации в СССР эксплуататорских классов. Его книга представляет собой исследование теории и практики построения классовой основы социалистического общества. Значение “ликвидации кулачества как класса” определялось автором исходя из того, что это был последний и самый крупный “эксплуататорский класс”. Другие исследователи рассматривали “раскулачивание”, прежде всего, как часть коллективизации.

В начале 50-х годов наиболее активно проблему раскулачивания разрабатывал Б. А. Абрамов. Его монографии и статьи, написанные в строгом соответствии с политико-идеологическими установками периода, содержали анализ политики партии в деревне, выполненный на базе значительного фактического материала. Абрамов и другие исследователи начинают привлекать статистические и архивные документы, но круг этих источников был ещё крайне узок, и использовались они односторонне – для подтверждения жёстко заданной концепции.

Всё ещё сильной остаётся пропагандистская составляющая работ – много места уделяется заслугам вдохновителей и организаторов “раскулачивания”, критикуются и даже очерняются “правые”

---

1. Залесский М. Я. Налоговая политика советского государства. – М., 1940.

2. Извекова А. К. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса на Кубани. – Дисс. на соискание уч. степ. к. и. н. – М., 1948; Уваров В. Д. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации в УССР. – Дисс. на соискание уч. степ. к. и. н. – Киев, 1949; Гусев Т. К. Борьба за ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации в потребляющей полосе РСФСР (на материалах областей и автономных республик Горьковского края). – Дисс. на соискание уч. степ. к. и. н. – М., 1950.

3. Глазерман Г. Е. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР. – М., 1949; Абрамов Б. А. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства. // Исторические записки. – М., 1951. – т. 38; Абрамов Б. А. Партия большевиков – организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. – М., 1952.

– “агенты кулака в партии”, а также мифическая “Трудовая крестьянская партия”.

В целом за период середины 30-х – середины 50-х годов исследователи проблемы “ликвидации кулачества как класса” собрали и проанализировали значительный фактический материал, расширили, по сравнению с предыдущим периодом, круг привлекаемых источников, сделали серьёзные шаги в постановке научной проблематики “раскулачивания”. В то же время историческая литература мало продвинулась вперёд в концептуальном и методологическом плане. Одной из главных причин этого была невозможность критического анализа ключевых постулатов о необходимости и неизбежности “ликвидации кулачества как класса”, об активной поддержке этой политики середняками, о перегибах, как следствии ошибок и извращений политики партии головоупрямами на местах и т.д.

Следующий историографический этап изучения политики “ликвидации кулачества как класса” можно ограничить второй половиной 50-х – концом 80-х годов. Во второй половине 50-х годов в обстановке политической “оттепели” и некоторой либерализации позиции власти по отношению к исторической науке стала возможной постепенная корректировка существовавшей концепции, не затрагивавшей, однако, её фундаментальных основ.

В конце 50-х годов вышли статьи В.П. Данилова¹, Е.А. Ивановой², уральских историков А.В. Бакунина³ и Р.Г. Бергауза⁴, а также монография С.П. Трапезникова⁵.

В.П. Данилов в своей статье на новом уровне осветил важную проблему социально-экономических отношений в деревне накануне коллективизации. Используя статистические материалы, автор проанализировал социальный состав сдатчиков и арендато-

---

1. Данилов В.П. Социально – экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. // Исторические записки. – 1956. – т. 55.

2. Иванова Е.А. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне. // Учёные записки Могилёвского пединститута. – 1956. – вып. 2.

3. Бакунин А.В. Из опыта работы политотделов МТС в колхозах Урала (1933-1934). // Труды Уральского политехнического института. – 1957. – Вып. 86.

4. Бергауз Р.Г. Из истории классовой борьбы на Урале в период развёрнутого наступления социализма на капиталистические элементы в деревне (1929-31). // Труды Свердловского сельхозинститута. – 1959. – №5.

5. Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. – М., 1959.

ров рабочего скота, инвентаря и рабочей силы и пришёл к выводу, что средства производства в сельском хозяйстве были сконцентрированы в основном в руках “кулаков” и зажиточных крестьян, 3/4 которых сдавали свой инвентарь в аренду беднякам и середнякам.

Ряд вопросов истории “ликвидации кулачества как класса” на Урале был поднят в статьях Е.А. Ивановой и Р.Г. Бергауз, приведших интересные факты политической борьбы во время выборов сельских советов в 1923 и 1930 гг., о создании и деятельности групп бедноты и батрачества, “кулацком терроре”. А.В. Бакунин изучил деятельность политических отделов МТС в 1933-34 гг. по “вычищению” из колхозов проникших туда “кулацких элементов”. Значение этих работ состоит в том, что в них, впервые на Урале, “раскулачивание” начинают рассматривать как научную проблему. Рассматриваемый период значительно расширилась проблематика исследований. Одна из “новых” проблем – судьба бывших “кулаков” после “раскулачивания”. Несмотря на то, что рассматривалась она исключительно в аспекте “трудового перевоспитания” и почти не затрагивались условия существования и правовой статус спецпереселенцев, это было одним из главных достижений историографии данного периода. За словами “эксплуататорский класс” стали просматриваться живые люди и их судьба, пусть и со специфической точки зрения, наконец привлекла внимание историков. Первым затронул эту проблему в своей монографии С.П. Трапезников.

Самым фундаментальным научным трудом в начале 60-х годов была книга В.М. Селунской¹. Приведённые в ней факты и некоторые обобщения сохраняют свою актуальность.

Развитием изучения проблемы судьбы бывших “кулаков” стала статья А.П. Финарова², который показал не только процесс “трудового перевоспитания раскулаченных”, но и героизм многих из них на фронтах Великой Отечественной войны.

Значимым достижением историографии периода второй половины 50-х – конца 80-х годов стала осознанная историками необ-

---

1. Селунская В.М. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства. – М., 1961.

2. Финаров А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР. – В кн.: История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. – М., 1963.

ходимость осмыслить историю изучения и степень изученности темы. Историографическому анализу была посвящена специальная статья В.И. Погудина¹.

Расширение тематики сопровождалось появлением новых методологических приёмов, привлечением новых источников. Появился ряд работ, в которых проведение “раскулачивания” исследовалось в рамках отдельных регионов страны². Можно говорить даже о некотором перекосе в сторону регионального исследования этой проблемы.

Эту ситуацию изменил выход в 1968 году монографии Ю.С. Кукушкина³, по богатству фактического материала и теоретическому уровню являющейся (вместе с книгой В.М. Селунской) наиболее значительными трудами 60-х годов. Выбранные хронологические рамки работы (1921 – 1932 г.г.) позволили проанализировать ход классовой борьбы в деревне, установить предпосылки и истоки резких перемен конца 20-х – начала 30-х г.г. Среди уральских историков 60-х годов наиболее плодотворно работал Н.В. Ефременков⁴, написавший ряд статей по истории коллективизации и “раскулачивания” на Урале. Работы Ефременкова выделяются по теоретическому уровню и преимущественной опоре на источники, в том числе архивные.

Ефременков исследовал не только основные этапы коллективизации и “раскулачивания” на Урале, но и проблему природы перегибов и тесно связанный с ней вопрос об ошибках и искривлениях партийной линии. Так, многие ошибки уральского партийного руководства на начальном этапе коллективизации и “раскулачивания” были аргументированно связаны с существовавшей в этот периоду руководства Уралобкома практикой принимать как дирек-

---

1. Погудин В.И. Проблема ликвидации кулачества как класса в советской историографии. // Вопросы истории. – 1965. – №4.

2. Гудин Н.Я. Классовая борьба в сибирской деревне и ликвидация кулачества как класса. // Материалы научной конференции по истории Сибири, посвящённой 50-летию Великого Октября (1917-67 гг.). – Томск, 1967; Каревский Ф.А. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье. // Исторические записки. – М., 1967. – т. 80.

3. Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне (1921-1932 гг.). – М., 1968.

4. Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1931-32 гг. // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. – Свердловск, 1968.

тиву устные выступления руководителей партии, высказывавших порой своё частное мнение по тому или иному вопросу.

Кроме того, Н.В. Ефременков изучил социально-экономические отношения и классовую структуру уральской деревни накануне перехода к сплошной коллективизации и “ликвидации кулачества как класса”, а также проблему “трудового перевоспитания бывших кулаков”¹.

70-е годы, называемые “застойным” периодом, были малоурожайными на работы по “раскулачиванию”. Счёт им шёл буквально на единицы. Тем не менее, именно в это время появился наиболее фундаментальный и концептуально значимый труд за всю историю изучения темы – монография Н.А. Ивницкого². На большом фактическом материале автор раскрыл закономерности и формы классовой борьбы в деревне. Опираясь на опубликованные и архивные источники, он показал процесс “раскулачивания” как с точки зрения масштабов, сроков и географии, так и судьбы спецпереселенцев и их “трудового перевоспитания”.

Признавая объективную необходимость “ликвидации кулачества как класса”, и в целом оставаясь в рамках официальной концепции, Ивницкий сделал ряд существенных замечаний и оговорок, означавших фактически попытку начала её корректировки. В частности, автор подверг сомнению правильность отказа от предложения подкомиссии К.Я. Баумана принимать, при определённых условиях, “кулацкие” хозяйства в колхозы. Такое сомнение по, казалось бы, частному вопросу означало, что под вопрос ставились выбранные методы решения “кулацкого вопроса”. Кроме того, приведённый автором фактический материал не всегда подтверждал официальную концепцию. Поэтому Ивницкий подвергся жёсткой критике. Последующие работы И.Я. Трифонова³ и В.А. Сидорова⁴, опиравшиеся на статистику и архивные источники, содержали объек-

---

1. Ефременков Н.В. Деятельность партийных организаций Урала по ликвидации кулачества и трудовому перевоспитанию бывших кулаков. – В кн.: Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалистического строительства за 50 лет советской власти. – Свердловск, 1968. – с. 350-359.

2. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. – М., 1972.

3. Трифонов И.Я. Ликвидация в СССР эксплуататорских классов. – М., 1975.

4. Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. 1921-1929 гг. – М.,

тивную разработку многих конкретных вопросов истории “ликвидации кулачества как класса”, которые сами по себе беспристрастно характеризовали политику государства и её последствия.

В 70-е годы единицами измерялись работы по теме и на Урале. Наибольшее значение имела работа В.М. Куликова¹. Его статья была первой уральской историографической работой, где приоритет был отдан именно работам, посвящённым классовой и внутрипартийной борьбе. Автор обозначил целый ряд проблем недостаточно изученных либо совсем обойдённых историками.

Особый интерес представляли монографии И.Я. Трифонова и С.П. Трапезникова². Их заслуга состояла в показе прочной генетической связи политики “ликвидации кулачества как класса” в начале 30-х годов с теорией построения социалистического общества В.И. Ленина и практической политикой комбедовского периода. Оба исследователя пришли к выводу, что В.И. Ленин прямо ставил задачу уничтожения “класса кулаков” при достижении определенных материальных, технических и социальных условий, рассмотрели этапы реализации “антикулацкого” наступления в 1918-30 гг., систему ограничения прав “кулачества” в годы НЭПа. Интересен вывод С.П. Трапезникова о том, что “ликвидация кулачества как класса” была мерой социалистической революции, реализация которой затянулась на десятилетие. Эта оценка позволяет пересмотреть устоявшееся представление о “раскулачивании” лишь как о части коллективизации. И.Я. Трифонов, проанализировав основные направления изучения политики “ликвидации кулачества как класса”, пришел к выводу, что в научной литературе “недостаточно раскрыто историческое значение ликвидации самого многочисленного из эксплуататорских классов, являвшегося опасным очагом реставрации капиталистического строя в СССР.”³

По мнению Трифонова, ликвидация в СССР эксплуататорских классов (в том числе кулачества) – это элемент строительства социализма, стоящий в одном ряду с индустриализацией, коллективизацией и культурной революцией.

---

1. Куликов В.М. Некоторые итоги и задачи изучения классовой и внутрипартийной борьбы на Урале в период построения фундамента социализма. // Классовая борьба на Урале (1917-32). – Свердловск, 1974.

2. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. – М., 1983.

3. Трифонов И.Я. Указ. соч. – с. 25.

В 1986 году вышел 2-й том “Истории советского крестьянства”¹, посвященный периоду 1927-1937 годов. Его главная ценность заключается в большом количестве фактических данных.

Обобщающий труд появился в 1987 году и на Урале. В своей монографии В.М. Куликов² исследовал социально-экономический уклад уральской деревни, расстановку и соотношение классовых сил, политическую борьбу в ходе выборов Советов. Автор добросовестно разработал конкретные вопросы истории подготовки и проведения политики “ликвидации кулачества как класса” на Урале. В то же время ряд проблем, таких как альтернативы, методы реализации и социальная цена этой политики, активно разрабатывавшиеся московскими историками, были фактически обойдены исследователем.

В целом следует отметить, что за период со второй половины 50-х до конца 80-х годов научная литература по проблеме “ликвидации кулачества как класса” значительно выросла количественно и качественно. Появился ряд фундаментальных трудов обобщающего характера, специальные историографические работы. Велась интенсивная разработка источников, причем все активнее вовлекались в научный оборот архивные материалы. Расширился спектр методологических приемов, например, стали использоваться математические методы исследования. Поднимались и освещались новые научные проблемы, такие как судьба бывших “кулаков” после выселения из родных мест.

Главной проблемой, затруднявшей научный поиск, было сохранение значительной политизации данной темы. Она отражалась на методологии исследований и неизбежно сказывалась на содержании работ. В частности, историки не могли производить всестороннюю критику партийных документов, сравнивать их с другими источниками. Поэтому вплоть до конца 80-х годов сохранялись многие фундаментальные основы концепции “ликвидации кулачества как класса”, сложившейся еще в 30-е годы.

В конце 80-х годов в политическом и общественном сознании произошли глубокие перемены, которые сильно повлияли и на

---

1. История советского крестьянства. – В 5 т.: т. 2. Сов. крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. 1927-1937 гг. – М., 1986.

2. Куликов В.М. Подготовка и проведение развёрнутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925-32 гг. – Свердловск, 1987.

историческую науку. Прежде всего, это отразилось на проблематике исследований. Если прежде главными действующими лицами истории были идеи, классы, партии и т.д., то в 90-е годы возникает огромный интерес к отдельному человеку, его месту в истории общества, к тому, как история общества отражалась на его личной судьбе. Применительно к истории “ликвидации кулачества как класса” это выразилось в активном изучении тех “белых пятен”, которые не получили достойного освещения в предшествующей историографии: форм и методов “раскулачивания”, которые унижали человеческое достоинство или ставили бывших “кулаков” в безвыходные условия, способы переброски “раскулаченных” к месту ссылки, условия жизни в спецпоселках, масштабы смертности спецпереселенцев и т.д.

Исследование этой новой для отечественной историографии проблематики стало возможным благодаря тому, что историкам стал доступен большой массив засекреченных ранее архивных источников. Первыми начали пересмотр взглядов на раскулачивание на основе “новых” источников В.П. Данилов¹, Н.А. Ивницкий², Н.Л. Рогалина³. В их работах 1989 года присутствовала двойственная оценка “раскулачивания”. С одной стороны, говорится о репрессивном его характере, приводятся данные о количестве жертв, о связи коллективизации и “раскулачивания” с голодом 1932-1933 гг. С другой стороны, авторы продолжали поддерживать тезис об исторической необходимости социалистического переустройства сельского хозяйства, уничтожения мелкого товарного производства, являвшегося базой для роста капиталистических элементов деревни.

Наиболее активно в конце 80-х – начале 90-х годов изучалась проблема дальнейшей судьбы “раскулаченных” и история спецссылки. Специальные статьи по ней, написанные В.Н. Земсковым⁴ на основе архивных материалов, содержат обобщенные данные о ре-

---

1. Данилов В.П. Коллективизация: Как это было? // Страницы истории советского общества. – М., 1989.

2. Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации. // Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. – М., 1989.

3. Рогалина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. – М., 1989.

4. Земсков В.Н. Спецпереселенцы. // СОЦИС. – 1990. – №11; Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е годы. // СОЦИС. – 1991. – №10; Земсков В.Н. Судьба кулацкой ссылки (1930-1954). // Отечественная история. – 1994. – №1.

гионах и масштабах спецссылки, динамике прибытия и убытия спецпереселенцев, социально-демографических характеристиках ее функционирования на протяжении 25 лет.

Переосмысление роли и значения "раскулачивания" было продолжено в статьях И.Е. Зеленина¹, Н.В. Тепцова² и других исследователей.

Значительно активизировалось и изучение проблемы "раскулачивания" уральскими историками. По теоретическому уровню и насыщенностью фактическими данными выделяются статьи И.Е. Плотнокова³.

Большие усилия в последние десять лет историки приложили для обнаружения и публикации наиболее интересных документов из ранее секретных архивных фондов. Уже в первой половине 90-х годов в ряде регионов России вышли сборники документов, посвященные спецпереселенцам⁴.

Наиболее фундаментальным научным трудом 90-х годов по теме "раскулачивания" стала монография Н.А. Ивницкого, вышедшая в 1994 году.⁵ В ней автор привел много новых фактических данных на основе уникальных архивных материалов ЦК ВКП(б) (Политбюро, Секретариата, Оргбюро и их комиссий), ОГПУ, Наркомзема осветил ряд сюжетов из истории "раскулачивания". Особый интерес представляет исследование Ивницким процесса выработки в 1929 году новой политики партии по отношению к "кулачеству". Автор пришел к выводу, что "раскулачивание" и переселение миллионов людей не вызывалось ни политической, ни социально-экономической обстановкой того времени. Коллективизация и "раскулачивание" не решили и зерновой проблемы, в интересах которой, согласно концепции Ивницкого, они и производились. Ре-

---

1. Зеленин И.Е. Осуществление политики "ликвидации кулачества как класса" (осень 1930-1932 гг.) // История СССР. – 1990. – №6.

2. Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании. Документальный очерк. // Кентавр. – 1992. – март-апрель.

3. Плотноков И.Е. Ликвидация кулачества как класса в Зауралье. // Крестьянство Зауралья в 1929-1941 годах. – Курган, 1992; Плотноков И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале. // Отечественная история. – 1993. – №4.

4. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. 1930-1936. – Екатеринбург, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930-1945. – Новосибирск, 1992-1996. Вып. 1-4.

5. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. – М., 1994.

альным их результатом стало раскрестьянивание деревни. Эта в целом логичная и аргументированная концепция имеет одну слабую сторону – она не в полной мере учитывает роль “кулацкого вопроса” во внутривластной борьбе, его огромного политико-теоретического значения. Ликвидация последнего эксплуататорского класса как последний шаг в строительстве классовой основы социалистического общества имела самостоятельную ценность с точки зрения укрепления авторитета и власти высшего партийного руководства и поэтому едва ли оправданно видеть в качестве ее причин только стремление решить зерновую проблему.

Вывод о том, что в результате “раскулачивания” и коллективизации крестьянство в значительной мере утратило свои традиционные черты, нашел свое подтверждение в ряде диссертационных работ.¹

В настоящее время появились специальные работы, оценивающие воздействие “раскулачивания” и массовых выселений на структуру советского общества. Так С.А. Красильников² считает, что раскулачивание было ярким проявлением целенаправленной социальной политики сталинского режима, ориентированной на разрушение и размельчение структур традиционного общества, приведшей к переводу значительной части крестьянства в маргинальное состояние.

Приведенный историографический анализ свидетельствует о том, что в целом проблема “ликвидации кулачества как класса” в СССР, ее истоков роли в истории 30-х годов, последствий (социальных, политических, экономических) изучена еще недостаточно полно. Особенно остро ощущается недостаток концептуальных, обобщающих работ. Если прежде в силу идеологических ограничений существовало большое количество “белых пятен”, запретных тем и сюжетов, то в 90-е годы произошло некоторое увлечение историков конкретикой, отдельными сторонами или периодами про-

---

1. Савельев С.И. Социально-классовая политика ВКП(б) и общественно-политические процессы в деревне второй половины 20-х – начала 30-х гг. – Дисс. на соискание уч. степ. к.и.н. – Саратов, 1994; Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев 1930-1954гг. – Дисс. на соискание уч. степ.д.и.н. – М., 1995; Игонин А.В. Партийно-государственная политика в сельских районах Ставрополья, Кубани и Дона. – Дисс. на соискание уч. степ. к.и.н. – Ставрополь, 1997.

2. Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в после-революционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). – Новосибирск, 1998.

цессов, их региональными особенностями. Бесспорно, изучение таких прежде обойденных тем как трагический ход “раскулачивания”, судьба спецпереселенцев, история спецссылки, было необходимо. Полученные в исследованиях этих проблем результаты имеют огромное значение.

В то же время приращение новых научных знаний все сильнее создает потребность в их обобщении на новом концептуальном и методологическом уровне. Переосмысление роли и значения “раскулачивания” в истории конца 20х – начала 30х годов должно базироваться на рассмотрении всего периода от создания теоретической базы ликвидации эксплуататорских классов до проявления непосредственных результатов ее проведения.

Цель диссертации – изучить предпосылки, основные этапы подготовки и (на примере Уральской области) реализацию политики “ликвидации кулачества как класса” и ее роль в истории 30-х годов.

В соответствии с поставленной целью диссертант решает следующие задачи:

- Проследить истоки и основные предпосылки политики “ликвидации кулачества как класса”.
- Определить значение этой политики в процессе становления и укрепления власти И.В. Сталина, а также эволюции ряда государственных механизмов.
- Исследовать проведение “раскулачивания” на Урале и основные характеристики функционирования “кулацкой ссылки” на территории Уральской области.
- Рассмотреть вопрос об отношении различных слоев населения деревни к “раскулачиванию”.
- Показать какое влияние “раскулачивание” и спецссылка оказали на бывших “кулаков”.

Объектом исследования являются “кулаки”.

Выделение “кулачества” как социального слоя связано с определенными сложностями. В понятие “кулаки” входили самые разнообразные социальные персонажи: деревенский ростовщик и трактирщик, владелец промышленного заведения и тот, кто занимался исключительно сельским хозяйством. К признакам “кулацкого” хозяйства относились систематическое применение наёмного труда,

систематическая сдача внаём сложных сельхозмашин, занятие торговлей, ростовпичеством, коммерческим посредничеством, наличие в хозяйстве сложного оборудования для переработки сельскохозяйственного сырья, а также определённая величина годового дохода.

Обследование степного гнезда в Троицком округе Уральской области в 1925 году, проведённое выдающимся советским экономистом и статистиком В.С. Немчиновым, показало, что в деревне существовали полярные группы. Около 23% хозяйств имели зависимые элементы от 15% и выше. На другом полюсе было около 2,5% хозяйств с предпринимательскими элементами свыше 15%. То есть, проблема зависимости значительного процента крестьян от “предпринимательских” хозяйств реально существовала.

Рост “кулацких” хозяйств достиг вершины в 1927 году, когда по данным “комиссии Рыкова” их было по стране около 900 тысяч (3,9% от общего количества хозяйств). В 1928-1929г.г. происходило быстрое сокращение численности “кулацких” хозяйств вследствие ужесточения государственной налоговой и кредитной политики, борьбы со спекуляцией и т.д. (до 2,2% в 1929г.) После запрещения аренды земли и применения наёмного труда (Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г.) “кулаки” более не могли эксплуатировать чужой труд. “Кулак” становится скорее не реальным социальным персонажем, а мифологической фигурой. С этим были связаны трудности в выявлении хозяйств, подлежащих “раскулачиванию”.

Предметом диссертации является деятельность государства (понимаемого как неразрывный тандем собственно государственных и партийных органов или “власть” в целом), а также ряда общественных и “хозяйственных” организаций по подготовке и проведению “ликвидации кулачества как класса”. Целью этой политики было решение “классовой проблемы”, оставшейся нерешённой в ходе Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны, а именно: ликвидация последнего и самого крупного “эксплуаторского класса” и построение, таким образом, классовой основы социалистического общества.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и архивные документы, издания периодической печати. Опубликовано

ванные источники – это изданные сборники документов (в т.ч. нормативно-директивных), статистические и информационные справочники. Важнейшим источником для изучения теоретических и политических предпосылок политики “ликвидации кулачества как класса” являются произведения В.И. Ленина и И.В. Сталина. Автор диссертации учитывал, что в привлечённом к исследованию 4 издании Сочинений В.И. Ленина научно-справочный аппарат содержит искажения, главной целью которых было подкрепить политические установки, существовавшие уже в 30-е годы. Характеристика механизма государственной политики и её приоритетов основывается на исследовании и оценке материалов нормативного и директивного характера, исходивших от высшего руководства страны. Проведение “раскулачивания” на местах характеризуют постановления, резолюции и решения областных, окружных, районных, а также первичных партийных и советских организаций и их органов, опубликованные преимущественно в 90-е г.г. в виде сборников документов либо в периодике.

Среди архивных источников наибольший интерес представляют неопубликованные документы нормативно-директивного характера (секретные постановления, указания, директивы), документы организационно-исполнительного и учётно-отчётного характера (особенно имеющие критическую направленность материалы инспекторских проверок, контрольных обследований, различных комиссий) и материалы общественных организаций, активно вовлечённых в “раскулачивание” (комсомола, осодмила, СВБ и др.). Основной конкретно-исторический материал почерпнут из фондов архивов Свердловской и Тюменской областей. Ценную информацию о судьбе выселенных в отдалённые районы “раскулаченных” содержат материалы хозяйственных (Уралоблсовнархоза, Облдела Труда, Облсоюза) и надзорно-карательных органов (Уралоблпрокуратуры и суда, ПП ОГПУ по Уралу, Управления милиции Уральской области).

В целом в работе использованы архивные документы из 8 фондов 4-х центральных и местных архивов. В работе впервые использован ряд документов Уралоблпрокуратуры и ОСП ПП ОГПУ по Уралу. С их помощью удалось более полно исследовать проблемы распределения ответственности за перегибы по уровням влас-

тной вертикали и состояния спецссылки в ряде районов (Ныробском, Копейском, Карабашском) Уральской области.

Территориальные рамки диссертации – Уральская область, существовавшая с 1923 по 1934 гг. Она включала большую часть нынешних Свердловской, Челябинской, Тюменской и Курганской областей, некоторые районы Пермской области и Республики Коми. В административном отношении область делилась на 15 округов, а округа на районы. В августе 1930г. округа были ликвидированы и районы стали непосредственно подчиняться области.

Хронологические рамки исследования собственно политики “ликвидации кулачества как класса” – 1929-1933 годы. Теоретические же основы, истоки формирования этой политики восходят к 1917 – 1918 гг., а её прямые социальные последствия охватывают период до середины 50-х годов.

Методологическую основу диссертации составляют общеполитические принципы и традиционные исторические методы исследования: генетический, историко-сравнительный, структурный, факторный.

Основными методологическими принципами исследования являются принципы объективности и историзма, предполагающие различие объективных свойств явлений и их субъективной оценки, анализ фактов с точки зрения их закономерностей, незаметных при непосредственном наблюдении, исключение влияния личных пристрастий исследователя на выводы, подход к результатам научного мышления как к средству объяснения наблюдаемых фактов, а не их описания. Изучаемые явления рассматриваются в их взаимосвязи, в совокупности всех факторов, количественных и качественных характеристик.

Научная новизна работы определяется прежде всего тем, что она сочетает в себе общий анализ теоретического и политического значения “ликвидации кулачества как класса”, выполненный в соответствии с современными концептуальными подходами с конкретно-историческим исследованием проведения “массового раскулачивания” в уральском регионе. В целом разделяя понимание “ликвидации кулачества как класса” как части процесса коллективизации (всесторонне обоснованное Н.А. Ивницким, В.П. Даниловым,

И.Е. Зелениным, И.Е. Плотниковым и другими исследователями), автор дополнил в качестве одного из важнейших факторов, определивших многие характеристики “раскулачивания” – фактор властный, фактор борьбы за власть внутри партийного руководства.

“Ликвидация кулачества” была не только частью коллективизации, но, одновременно, и последним этапом общего процесса ликвидации в СССР эксплуататорских классов и построения таким образом классовой основы социалистического общества. В диссертации доказано, что это дополнительное, специфическое значение “ликвидации кулачества” придавало ей огромное значение как инструменту окончательного закрепления власти и теоретического авторитета только что победившей во внутрипартийной борьбе “сталинско-молотовской группы в ЦК”.

Автор не абсолютизирует “властный фактор”, признавая, что к политике “ликвидации кулачества” подталкивали руководство партии и другие факторы: наличие теоретической базы ликвидации эксплуатации и эксплуататорских классов, объективный “социальный заказ” со стороны ряда мощных общественных слоев (бедняцко-батрацкого в деревне; части горожан и бюрократии), наконец, реальность угрозы реставрации капитализма вследствие развития НЭПа.

В то же время именно учет “властного фактора” позволяет объяснить выбранные методы “раскулачивания”, уйти от бытующего в научной литературе мнения о его бессмысленной жестокости. Жестокость выбранных методов неизбежно означала возврат на новом этапе к ограниченной гражданской войне (что Сталин признавал). Резкое усиление сопротивления политике партии неизбежно укрепляло власть вождя и объективно облегчало искоренение всяческой оппозиции внутри партии.

Кроме того, в диссертации на базе архивных материалов впервые изучен ряд конкретных вопросов проведения “раскулачивания” на Урале: природа и масштабы “кулацкого террора”, распределение ответственности за перегибы при проведении “раскулачивания” по уровням властной вертикали, механизм управления “хозяйственным использованием” спецпереселенцев, функционирование спец-

ссылки в 1930-33 гг. в ряде районов Уральской области и т.д.

В научный оборот вводится значительный фактический материал, связанный с деятельностью Уралобкома ВКП(б) и Уралоблисполкома, региональных органов ОГПУ, милиции, прокуратуры.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его концептуальные подходы и фактический материал могут быть использованы в дальнейших научных поисках. Материалы диссертации могут использоваться при разработке общих лекционных курсов по отечественной истории XX века, обобщающих трудов по истории российской деревни, спецкурсов по истории Урала.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры архивоведения Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Основные положения и выводы исследования докладывались на трёх университетских конференциях (1995 г., 1996 г. и 2000 г.) и одной всероссийской (2000 г.)

Структура и объём диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, приложения, списка использованных источников и литературы. Общий объём диссертации 207 страниц.

Основное содержание диссертации.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень её изученности, определяются объект и предмет, формулируются цели и задачи работы, анализируется источниковая база, устанавливаются территориальные и хронологические рамки, выявляются научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе – “Политико-директивная база ликвидации кулачества как класса” анализируются теоретические и политические истоки и предпосылки “раскулачивания”, а также рассматривается их влияние на процесс формирования директивной базы, на основании которой проводилась ликвидация “последнего эксплуататорского класса”.

Первый параграф главы посвящён анализу политики “ликвидации кулачества” как исследовательской проблемы. Изучены исторические корни этой политики – теоретическая база необходимости уничтожения “класса кулаков” как обязательного условия победы социализма в России, заложенная В.И. Лениным и направ-

являвшаяся им практическая политика “комбедовского периода”. В результате этой политики “кулачество” сократилось количественно (с 20 до 4-5% от общего количества хозяйств), стало мельче, слабее. Но не исчезло.

Однако приоритетной задачей того периода было сохранение политической власти пролетариата в крестьянской по составу населения стране. Именно этой целью обосновывалось введение “новой экономической политики”. Характерно, что возможность её В.И. Ленин доказывал тем, что “кулаки” в значительной мере экспропрированы. Анализ дискуссий вокруг введения и продолжения НЭПа, произведенный автором, показывает, что очень многие в партии считали “кулацкий вопрос” главным нерешенным вопросом революции.

Введение НЭПа означало, что радикальное решение этого вопроса откладывалось. Но остались теоретические постулаты о невозможности построения социализма без ликвидации всех эксплуататорских классов и сильные “антикулацкие” настроения партийного большинства.

Далее рассмотрена система ограничений политических и экономических прав “кулачества” в годы НЭПа. Гражданско-правовая дискриминация “кулачества” основывалась на системе ограничений прав эксплуататоров, впервые заложенной ещё в Конституции РСФСР 1918 года. Эксплуататор не мог избирать и быть избранным, не мог участвовать в любых органах власти, не мог вступить в ВКП(б). Милиция, прокуратура, суды должны были строго проводить классовый принцип. Эти меры подкреплялись ограничением экономических прав “кулачества”. Налоговая и кредитно-ссудная политика государства также определялась классовым принципом. Налоговая политика строилась таким образом, что за счёт повышения налогового бремени для зажиточных слоёв осуществлялось облегчённое налогообложение бедноты. С 1928 года налоговая политика всё больше приобретает характер инструмента экономического разорения “кулачества”, нашедший яркое выражение в т.н. “пятикратках”. Сохранялись в годы НЭПа и основные общественные институты, использовавшиеся в комбедовский период. Прежде всего, это сами комбеды. Формально ликвидированные в 1918 году, они фактически продолжали существовать в виде орга-

низованных групп бедноты в Советах. На Украине аналог комбедов – комнезаможи – продолжали открыто существовать до начала 30-х годов. Таким образом, наряду с политико-теоретическими предпосылками нового наступления на “кулачество”, продолжали существовать и те общественные институты, которые имели практический опыт такого наступления.

Подробную разработку получила в тексте главы проблема роли “кулацкого вопроса” во внутрипартийной борьбе второй половины 20-х годов. Формально заняв среднее положение между “правым” и “левым” уклонами, И. Сталин сумел использовать для их разгрома именно “кулацкий вопрос”. “Левые” обвинялись во враждебности не только к “кулаку”, но и к середняку, также являвшемуся мелким собственником. “Правые” – в защите “кулачества”. Отсюда становится понятной подлинная роль политики “ликвидации кулачества как класса”, провозглашённой в конце 1929 года. Реализацией своей программы по этому ключевому вопросу, участием в ней всей партии, “вычищением” из партии всех с ней несогласных, сталинско-молотовская группа отсекала в область истории альтернативные программы развития общества, а значит надёжно укрепляла своё лидирующее положение в партии. Не менее важным было определение тех социальных сил, которые поддерживали эту политику. Такими силами называются средние и низшие слои бюрократии (как партийного, так и государственного аппарата), перед которыми масштабнейшая и труднейшая операция по “ликвидации кулачества как класса” открывала широкие перспективы для карьерного роста, активно востребовала наиболее способных и усердных из них, значительная часть рабочих (и горожан в целом), недовольных постоянным ростом цен на продовольствие вследствие спекулянтских устремлений “кулачества”, стремившегося скупить хлеб, попридержать его и продать тогда, когда цена достигнет максимума. И наконец, наиболее активно новое, радикальное наступление на “кулачество” поддерживали бедняцко-батрацкие и, отчасти, маломощно-середняцкие слои деревни, сильнее всего страдавшие от “кулацкого” засилья и эксплуатации.

Основываясь на вышеприведённых разработках была принята попытка корректировки существующего ныне понимания “раскулачивания” только как части процесса коллективизации. Учи-

тывая политико-теоретическое значение и роль “кулацкого вопроса” во внутрипартийной борьбе и анализируя динамику коллективизации и “раскулачивания”, сделан вывод о том, что “бешеные темпы коллективизации” в начале 30 года (провозглашавшиеся как лозунг В.М. Молотовым, А.А. Андреевым и др.), были вызваны стремлением не допустить “голодного” раскулачивания, при котором имущество одних хозяйств переходило к другим. Тезис о раскулачивании как части коллективизации также создавал видимость участия всей партии, в лице XV съезда, принявшего решение о кооперировании крестьянства, в выработке этой политики. На самом деле решение о проведении политики “ликвидации кулачества как класса” было первым крупнейшим политическим решением, принятым руководством партии без обсуждения на съезде. В марте 1930 г., запустив механизм “раскулачивания”, партийное руководство фактически позволило недовольным крестьянам покинуть колхозы. Темпы коллективизации снова стали нагнетаться только с осени 1930 г. Это позволяет сделать вывод о приоритетности в 1930 году политики “ликвидации кулачества как класса”, конкретизированной в плане разработанном “комиссией Молотова”. В ходе его выполнения уже к лету 1930 г. на Урале было “раскулачено” около 30 тыс. хозяйств¹ (2,6 % всех хозяйств области) при том, что осенью 1929 г. на Урале “кулацкими” числились лишь 1,6 % хозяйств. В следующие годы приоритеты государственной политики постепенно меняются и “раскулачивание” действительно становится инструментом стимулирования коллективизации и различных заготовительных компаний. Это новое концептуальное положение подкреплено подробным рассмотрением особенностей разработки директивной базы и проведения “раскулачивания” в 1930 г. и в 1931-32 гг. Проанализированы особенности функционирования комиссий Молотова (1930г.) и Андреева (1931-32 гг.) Комиссия Молотова в 1930 г. разработала жёсткий план определявший для всех основных регионов страны сроки и масштабы репрессий против “кулаков” первой и второй категорий. При этом руководствовались не данными с мест, а своими представлениями о количестве там злостных “кулаков”. Комиссия Андреева решала вопросы по отдельным краям,

---

1. ГАРФ. Ф. 1235. Оп.108. Д. 351. Л. 19.

областям, республикам, основываясь на данных о конкретной ситуации. Теперь наряду с “классическими” признаками “кулацких” хозяйств, всё большую роль стали играть новые – невыполнение государственных заданий, отказ от обработки земли (многие середняки стали сеять минимум, для себя), отказ вступать в колхоз и т.д. То есть, теперь преследовали не только “классовых”, но и “политических” врагов – тех, кто не хотел вступать в колхозы или сдавать государству хлеб. Жупел “кулака”, пробравшегося в колхозы, стал использоваться и как оправдание для репрессий против колхозников, саботировавших выполнение государственных планов.

Во второй главе – “Ликвидация кулачества как класса в Уральской области” рассматриваются ход “раскулачивания” на Урале, создание и функционирование “кулацкой ссылки” и связанные с этим социальные последствия.

На конкретно-историческом материале показано, что “раскулачивание” во многих районах началось в середине января 1930 г., то есть до принятия Постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января, ЦИК и СНК СССР от 1 февраля, Уралобкома ВКП(б) от 5 февраля, оформивших основы этой политики. Проводившееся в 1929 году (в ходе хлебозаготовок, займов, налоговых компаний, проверки социального состава колхозов и т.д.) “раскулачивание” части кулацких хозяйств переросло в ряде мест в “массовое раскулачивание”. Так, за период с 15 по 25 января в Челябинском и Шумихинском районах было изъято имущество у 687 хозяйств, значительная часть изъятого была немедленно продана по заниженным ценам отдельным лицам. Под “раскулачивание” сразу же попали и середняки. В Шумихинском районе, по данным райисполкома, были “раскулачены” 24 середняка.

Лишь 22 января, получив телеграмму И.Д. Кабакова из Москвы, Уралобком и Облисполком дали директиву окружным организациям, указав порядок конфискации “кулацкого” имущества.

После этого во всех районах области началась планомерная работа по непосредственной подготовке экспроприации “кулацких” хозяйств.

Ещё раньше были увеличены штаты и бюджет ПП ОГПУ по Уралу (9 января), доукомплектованы и дообучены комотряды в районах. В феврале-марте были проведены частичные досрочные выборы низовых Советов. Партийная прослойка в Советах возросла с 13,7 до 18 %¹. Были созданы инструкторские бригады, задачей которых было проведение агитационно-пропагандистской работы, особенно среди середняков, женщин и национальных меньшинств.

Изначально кампания по “ликвидации кулачества как класса” организовывалась таким образом, чтобы политическая и социальная сущность каждого “раскулачиваемого” были очевидными, чтобы вся кампания имела не только конфискационный и репрессивный, но и государственно-политический характер.

Однако установленные сроки оформления материалов на районном и окружном уровнях (определявшиеся установленными оперативным планом ОГПУ рамками) составляли по 3-4 дня, что вместе с шаблонным и скучным составлением политхарактеристик на местах затрудняло реальное разбирательство списков подлежащих “раскулачиванию”. Постановление Уралобкома ВКП(б) от 5 февраля предусматривало выселение на север до 15 тысяч “кулацких семей”.

По данным ОГПУ, уже на 6 мая 1930 г. было выселено 66115 чел. Кроме того, из других регионов страны прибыли 85134 чел. Большая часть их прибыла из Северо-Кавказского края, Белоруссии, Крыма. За 1930 и 1931 г. в Уральскую область из других регионов СССР было ввезено 123547 семей (571355 чел.) спецпереселенцев. В ссылку за эти два года было отправлено 25855 семей уральцев.²

На 1 января 1932 г. в спецссылке Уральской области на учете состояло 484380 человек, на 1 января 1933 г. - 365539 человек.

Изучение сводок Уралобкома и окружных комитетов ВКП(б), посвященных ходу “ликвидации кулачества как класса”, а также оперативных сводок ОГПУ позволило определить отношение различных слоёв деревни к “раскулачиванию”. Активно и массово уча-

---

1. Плотников И.Е. Местные Советы Урала на первом этапе сплошной коллективизации // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб.1. - Свердловск, 1966. - с.160.

2. Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. - 1993. - N4. - с.159-167.

ствовали в его подготовке и проведении бедняцко-батрацкие массы. Именно активисты из бедняков выполняли основную подготовительную работу: составляли списки кандидатов на “раскулачивание”, производили опись имущества, мешали “кулачеству” укрывать и распродавать своё имущество, выступали на общих собраниях и т.д. Они же производили и собственно изъятие “кулацкого” имущества. Значительно сложнее было отношение середняков. Они, как правило, молчаливо голосовали за “раскулачивание” и выселение. Однако активно в описи и изъятии имущества, выдвижении кандидатур на “раскулачивание”, они не участвовали. Многие середняки опасались, что после ликвидации “кулацких” хозяйств, начнут выселять середняков. “Раскулачивание” середняков приняло широкие масштабы, став одним из основных видов “перегибов”. В докладе инструкторов ВЦИК по результатам проверки работы Советов Урала, было признано, что середняк на Урале при “раскулачивании” был задет в массовом виде.¹ Например, в Мехонском и Верхотурском районах Свердловского округа около 70 % “раскулаченных” составляли середняки. Перегибы в целом можно свести к трём основным категориям: извращение классовой линии партии (то есть раскулачивание бедняков, середняков, духовных лиц, учителей, семей красноармейцев, красных партизан и т.д.), нарушения в ходе изъятия имущества и жестокое обращение с “раскулачиваемыми”. По данным на 20 апреля 1930 г. по фактам перегибов при “раскулачивании” в Уральской области было возбуждено 214 дел². Интересны сведения о должностном уровне привлечённых к уголовной ответственности: из 428 человек – 181 были деревенскими активистами, 146 работниками сельсоветов, 99 работниками райисполкомов и 2 работника окрисполкомов.

“Раскулачивание” и “перегибы” вызвали мощный крестьянский протест, принимавший не только пассивный (антисоветская агитация, сокрытие либо умышленная порча имущества, массовое “самораскулачивание” и т.д.), но и активный характер. Формами активного протеста были массовые выступления (за январь-март 1930 г. их было не менее 10 с общим количеством участвовавших свы-

---

1. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 108. Д. 351. л. 19 об.

2. ГАСО. Ф. р-88. Оп. 21. Д. 57. л. 69.

ше 1 тыс. человек), отдельные террористические акты (в январе-марте на Урале было совершено 260 террористических актов, а всего за 1930 г., по данным ОГПУ, кулаки совершили 50 убийств на почве “классовой мести”, 146 покушений на убийство, 266 избиений активистов, 346 поджогов и 77 актов вредительства¹⁾) и создание бандгрупп и активная борьба с советской властью. Основным источником людского пополнения бандгрупп стала “кулацкая ссылка”, положение в которой было зачастую настолько тяжёлым, что побег был единственным выходом. Беглый спецпереселенец не мог вернуться домой и примыкал к группам таких же беглых “раскулаченных”. Особенно массовыми побег из мест ссылки были в 1930 г., когда спецпереселенцев завозили в северные районы и расселяли в непригодном жилье или в “чистом поле”, когда система снабжения их была неналаженной и во многих местах был голод.

В первой половине 1930 г. многие спецпереселенцы, заброшенные в северные районы, не имели возможности и работать. Нерешённость вопроса трудового использования спецпереселенцев в первые несколько месяцев определялась не столько недостаточным вниманием к нему со стороны Уралобкома и Облисполкома, сколько приоритетами политики партийного и государственного руководства. Так, специальная комиссия СНК по использованию труда спецпереселенцев впервые собралась только 5 апреля. В последующие годы механизм “хозяйственного и трудового использования” спецпереселенцев был отлажен, во многом благодаря подключению к нему ОГПУ. Фактор “трудоустройства” обусловил изменение географии расселения спецпереселенцев – если в 1930 г. их направляли в необжитые северные районы, где зачастую не было потребности в трудовых ресурсах, то в 1931–33 гг. – в южные, где развернулось крупное промышленное строительство. Анализ источников о положении “кулацкой ссылки” показывает, что фактор организации “трудоустройства” имел определяющее для уровня жизни спецпереселенцев значение. Другие определяющие факторы – природно-климатические условия района ссылки и отрасль трудового использования. В целом, положение спецпереселенцев в северных районах области было значительно тяжелее, чем в южных. На севере спецпереселенцы го-

---

1. ЦДООСО. Ф.4. Оп. 8. Д.101. л.20.

раздо сильнее страдали от нехватки тёплой одежды и плохого жилья. В отдалённые северные районы гораздо сложнее было завести продовольствие, лекарства и т.д. Лесная промышленность, где были заняты большинство переселенцев северных районов, была подвержена колебаниям заготовительных планов, вследствие чего люди оставались без работы и снимались с довольствия. Всё это приводило к тому, что уровень смертности и побегов в северных районах был в 2 – 2,5 раза выше, чем в южных (так в Ныробском районе из прибывших в 1930-33 г.г. в ссылку 13472 человек на 26.06.33 были освобождены 548 чел., сбежали 1217 чел., умерли 1826 чел.). Отличались и настроения спецпереселенцев. В южных районах они, как правило, работали на промышленных предприятиях, держали огороды и даже мелкий скот. В 1932-33 гг. во время голода, спецпереселенцы в ряде южных районов даже считали, что им лучше, чем колхозникам. Рассмотрение условий жизни спецпереселенцев на Урале позволяет подтвердить высказанную в литературе последнего десятилетия точку зрения, согласно которой спецпереселенцы подвергались маргинализации. Полурабочий-полукрестьянский образ жизни в спецпосёлках, когда основное время уходило на “промышленную” работу, а выживание зависело от огорода, постепенно влиял и на сознание людей. Выброшенные из крестьян, но не ставшие и рабочими, покинувшие деревню, но не попавшие в город, лишившиеся “малой родины” и всей привычной культурной среды, спецпереселенцы заняли маргинальное, то есть промежуточное положение в классовой структуре. Сохранение такого положения в течение длительного времени, когда была невозможна новая интеграция спецпереселенцев в общество, предопределило негативный вариант маргинализации.

В заключении диссертации даётся оценка роли и места политики “ликвидации кулачества как класса” в истории 30-х годов с учётом всего сложного комплекса её предпосылок, причин и последствий. Отмечается, что в 1930 г. эта политика была безусловным политическим приоритетом, именно под её проведение подгонялись темпы коллективизации. Как только первая волна “раскулачивания” прошла, большинству крестьян позволили покинуть колхозы. Выселение 1930 г., производившееся без учёта возможностей трудового использования спецпереселенцев подтверждает осо-

бый теоретико - политический, а не прагматический характер приоритетов этой политики.

После того, как в 1930 году план разработанный комиссией Молотова был выполнен, и “кулачество как класс” фактически перестало существовать, приоритет политики власти был перенесён на коллективизацию. Поэтому в 1931-33 гг. “раскулачивание” становится уже не самостоятельной политикой, а инструментом проведения коллективизации и заготовительных кампаний.

Политика “ликвидации кулачества как класса” имела целый ряд важных последствий не только для деревни, но и для общества в целом.

В ходе этой первой массовой репрессии произошло сращивание низовых партийных структур с ОГПУ, была создана обширная система спецпосёлков, приобретён опыт “хозяйственного использования” сотен тысяч спецпереселенцев. Идея о том, что любые достижения на пути к социализму возможны только в ходе борьбы с внутренними и внешними врагами была впервые доказана на практике - через уничтожение “кулачества как класса” было объявлено о построении классовой основы социалистического общества. То есть были созданы предпосылки “больших репрессий” 1937 года.

Другим не менее важным и до сих пор сказывающимся последствием стала бесхозяйственность как следствие целенаправленного уничтожения “кулака-хозяйчика”.

Масштаб и значение политики “ликвидации кулачества как класса”, её последствия для деревни и общества в целом настоятельно требуют от историков продолжения ее дальнейшего изучения и осмысления.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. О крестьянском бунте на Урале в начале 30-х гг. Тезисы // История России по материалам массовых источников. Тезисы докладов научной студенческой конференции / УрГУ. Екатеринбург, 1995. 0,1 п.л.

2. О причинах выхода крестьян Уральской области из колхозов в 1932 г. Тезисы // История России по материалам массовых источников. Тезисы докладов научной студенческой конференции / УрГУ. Екатеринбург, 1996. 0,1 п.л.
3. "Двойственная политическая физиономия" середняка в раскулачивании. Тезисы // Орёл шестого легиона. Вып. 2. Тезисы научно-практической конференции студентов и молодых учёных / УрГУ. Екатеринбург, 2000. 0,2 п.л.
4. Некоторые социальные последствия ликвидации кулачества как класса. Тезисы // Историческая наука на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов научной конференции. / ТГУ. Тюмень, 2000. 0,3 п.л.

Подписано в печать
Бумага типографская
Тираж 100 экз.
Екатеринбург, К-83,

Заказ № 503
пр.Ленина, 51

Формат 60x84/16
Усл. печ. л.1
Печать офсетная
Типолаборатория УрГУ